

ственным переселением, как это было у многих племен восточной части США и прерий. Промысловое морское рыболовство, как и прежде, является главным занятием макахов. Но оно не обеспечивает им даже прожиточного минимума, так как большинство из них не имеет своих орудий лова. Только у 14 человек есть свои рыболовные лодки, а остальные работают по найму у владельцев лодок.

В резервации макахов имеются богатые лесные массивы. Но Управление по делам индейцев запродавало лес различным компаниям, превратив индейцев из собственников леса в рабочих — лесорубов. Однако очевидно, что и этот источник дохода недостаточен, так как индейцы периодически уходят из резервации на заработки, главным образом, на сезонные сельскохозяйственные работы по сбору хмеля, копке картофеля и пр. Индианки очень часто нанимаются в услужение в семьи зажиточных американцев. Очень мало дает индейцам изготовление моделей тотемных столбов и плетение корзин для туристов.

Кольсон отмечает наличие среди индейцев небольшой прослойки мелкой буржуазии. Это — владельцы маленьких ресторанов, гостиниц, торговцы и прочие, слабые экономически и не выдерживающие конкуренции более сильных «белых» предпринимателей.

В современной культуре макахов, тесно связанных с местным американским населением, сохраняется своеобразие, отличающее их как особую этническую группу. Автор прослеживает, в какой степени традиционная культура макахов сохраняется в их современном быту. Во взаимоотношениях макахов все еще играют большую роль родственные связи и родственная солидарность.

Остановившись подробно на религии макахов, Кольсон показывает, что индейцы только внешне христиане, что у них до сих пор сохранились анимистические воззрения. В деревне представлены две церкви (пресвитерианская и апостолическая) и секта трясун, состав приверженцев которых постоянно меняется; многие индейцы вообще не присоединяются ни к одной церкви. Автор отмечает рост атеизма среди молодежи. На целом ряде ярких фактов она показывает, как индейцы, заимствовав внешние формы американской культуры, наполняют их своим содержанием; таковы современная индейская свадьба, празднование дней рождения и т. д. Интересно сообщение о том, что индейцы на первых порах использовали христианское празднование рождества для устройства запрещенных правительством потлачей.

Кольсон — вдумчивая и внимательная исследовательница, с симпатией и без предвзятости относящаяся к изучаемому ею народу. Ее книга, написанная живо и интересно, заслуживает внимания не только по богатству фактического материала, всесторонне рисующего современное состояние одного из индейских племен США, но и по сделанным из этого материала выводам.

Ю. Аверкиева

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

A. Riesenfeld. *The Megalithic culture of Melanesia*. Leiden, 1950.

Книга Ризенфельда «Мегалитическая культура Меланезии» представляет большой интерес не только, и, пожалуй, не столько, для археологов, сколько для этнографов, в связи с такими далеко еще не разрешенными проблемами, как заселение Полинезии, меланезийские параллели в Полинезии, и некоторыми частными вопросами, в том числе вопросом о происхождении культуры о-ва Пасхи.

Основное место в книге (свыше 600 стр.) занимает раздел, в котором автор излагает все имеющиеся в литературе сведения о мегалитических постройках в Меланезии.

На мегалиты в Меланезии исследователи, как правило, обращали мало внимания. Автор приводит в пример Паркинсона, справедливо характеризуя его как «одного из лучших ранних исследователей Меланезии», который, однако, в своем труде «30 лет в Океании» ни разу не упомянул о мегалитических постройках. Он даже сфотографировал случайно мегалитическое сооружение (кромлех) с сидящим на нем юношей, но в подписи к снимку указал только, что это — «Юноша из Уэа»¹. Автор упоминает в этой связи также Малиновского, с полным основанием обвиняя его и функционалистов вообще в пренебрежительном отношении к изучению материальной культуры, и отмечает, что Малиновский даже и не подозревал о важном значении мегалитических построек на Тробрианских островах и лишь более поздний исследователь, Лео Аустин, обратил на них внимание. Поэтому Ризенфельду пришлось просмотреть весьма значительное число работ (библиография, помещенная в конце книги, содержит 1001 название), и тщательно подобранные им факты придают этому разделу книги серьезную научную ценность.

К сожалению, теоретические предпосылки автора и метод использования собранных им с таким трудом фактов для построения общих выводов оставляют желать лучшего. А это обстоятельство не могло не оказать отрицательного влияния и на подбор фактов, и на метод их изложения.

¹ R. Parkinson, *Dreissig Jahre in der Südsee*, 1907, стр. 208.

Автор исходит из неверного, хотя и прочно укоренившегося в буржуазной науке положения о том, что все мегалиты, где бы они ни были найдены, — это остатки единой культуры, а строители мегалитов — это единый народ, широко расселившийся. Еще в конце XIX в. было установлено, что мегалитические постройки возведены различными племенами, подчас очень удаленными друг от друга. Новейшие открытия окончательно опровергли измышления о едином народе — строителе мегалитов. Как в Европе, так и в других местах, в том числе и в Меланезии, мегалитические постройки могли самостоятельно возникать у разных народов в сходных исторических и географических условиях. Но автор а priori убежден в том, что в Меланезии была единая «мегалитическая культура», которая в прошлом наличествовала на всех архипелагах в одном и том же объеме и виде, а в настоящее время на одних архипелагах сохранилась лучше, на других — хуже. Исходя из этой априорной, абсолютно ничем не обоснованной предпосылки, Ризенфельд избирает следующий принцип изложения собранных им фактов: излагает факты в первую очередь по тому району, о мегалитах которого имеется наиболее полная информация; от этого района переходит к другому, о котором сведения менее полны. В своей рецензии на книгу Ризенфельда Вроклаге назвал этот чисто количественный принцип «очень удачным»². Нам же он представляется крайне неудачным. В результате применения его получается такой порядок (или, вернее, беспорядок) изложения фактов по архипелагам: Новые Гебриды, Тикопия и Санта-Круц, Соломоновы острова, архипелаг Бисмарка, мелкие острова близ южной оконечности Новой Гвинеи, прибрежные районы Новой Гвинеи, острова Адмиралтейства, Сант-Матнас и мелкие соседние острова, внутренние районы Новой Гвинеи, острова Торресова пролива, Новая Каледония, Фиджи. Это беспорядочное метание из одного угла обширного района Меланезии в другой, противоположный, и наоборот, распределение материала по одному острову (Новой Гвинеи) на две разные главы приводит к тому, что факты преподносятся читателю в весьма трудном для правильного восприятия виде. Переменить порядок глав тоже трудно, так как они связаны единой нитью изложения.

Шесть последующих небольших разделов книги отведены частным вопросам, так или иначе связанным с понятием «мегалитической культуры». В разделе «Проблема культа солнца» ставится вопрос о том, была ли генетическая связь между «мегалитической культурой» и культом солнца, как это предполагали Эллиот Смит на материале Европы, Перри — на материале Индонезии и Риверс и Дикон — на материале Полинезии. Вслед за Шпейзером автор считает, что такой связи не было. В разделе «Проблема гончарства» утверждается, что носители «мегалитической культуры» принесли с собой в Меланезию также и гончарство. В разделе «Проблема четырехугольного топора» говорится, что этот топор также был занесен в Меланезию носителями «мегалитической культуры». Любопытен раздел «Отношение между «людьми кавы» и мегалитической культурой». Как известно, Риверс в свое время на основе изучения нескольких явлений культуры искусственно выделил в Меланезии «людей кавы» и «людей бетеля». Теперь Ризенфельд на основе изучения мегалитов искусственно выделил «людей мегалитической культуры». Попытка найти какое-либо соотношение между этими искусственно сконструированными в результате изучения нескольких или даже одного явления культуры «этническими комплексами», как и следовало ожидать, ни к чему автору не привела. Поэтому он приходит к выводу, что каву в Меланезию принесли меланезийцы, которые будто бы пришли сюда позже носителей «мегалитической культуры» и вытеснили их из Меланезии. Предположение о поздней миграции меланезийцев, примерно в X в. н. э., а на Фиджи — лишь в середине XVIII в., совершенно неправдоподобно и может быть объяснено только тем, что автор, ограничив себя изучением мегалитов, закрывает глаза на все остальные данные. В разделе «Были ли носители мегалитической культуры людоедами?» автор дает отрицательный ответ на этот вопрос. Наконец, в разделе «Священные растения» утверждается, что использование этих растений тесно связано с мегалитами, и приводится список важнейших священных растений в Меланезии. На эти шесть разделов, в которых одно искусственно обособленное явление связывается с другими, столь же искусственно обособленными, отведены лишь 44 страницы, но и это, по нашему мнению, слишком много.

Выводы автора, излагаемые им в заключении, сводятся к следующему. Через Меланезию прошли носители «мегалитической культуры». Это были люди монголоидного типа, с прямыми волосами, светлой кожей, мореплаватели по своей натуре. Они принесли в Меланезию высоко развитый тип земледелия с искусственным орошением и осушением почвы, кокосовую пальму, свиней, каменные ступы и песты, гончарство, использование обсидиана, четырехугольные топоры, изображения из камня, наскальные изображения и т. д. Они проникли в Меланезию из Юго-Восточной Азии двумя путями. Начало миграций из Юго-Восточной Азии — VIII в. н. э. Одна волна прошла через южные острова Индонезии на Молуккские острова и оттуда — на Западный берег Новой Гвинеи (эта волна в рецензируемой книге не рассматривается). Другая волна из района Тайвань (Формоза) — Филиппины — Северный Целебес проникла в Микронезию, затем с о-ва Яп — в Меланезию, одна ветвь — на Новую Гвинею, другая — на архипелаг Бисмарка и далее — на Соломоновы острова. Здесь опять разветвление — одна ветвь с Соломоновых островов на Санта-Круц, Тикопию, Новые Гебриды, другая —

² «Anthropos», 1952, стр. 337.

Фиджи и оттуда в Полинезию. Автор, однако, отмечает, что это был не единственный путь, каким носители «мегалитической культуры» проникли в Полинезию. Он весьма подробно указывает на картах маршруты миграций в рамках Меланезии, но эти маршруты в лучшем случае следует считать недоказанными. Это вынужден был отметить даже Вроклаге³, сам весьма склонный делать широкие выводы на основе изучения одних только мегалитов.

Нетрудно догадаться, что под носителями «мегалитической культуры» автор имеет в виду протополинезийцев. Речь идет фактически о заселении Полинезии по южному пути, через Меланезию. Автор здесь вступает в спор, хотя он и не упоминает об этом, с Питером Баком, который считал, что заселение Полинезии шло только по северному пути, через Микронезию.

Положение о южном пути заселения Полинезии является, повидимому, правильным⁴ однако у Ризенфельда оно не получило серьезного обоснования, так как подкреплено ссылками на одно только явление культуры — мегалиты. Надо, во-первых, изучить другие явления материальной культуры, а также общественный строй, идеологию, язык. Этнограф находится в гораздо более выгодном положении, чем археолог, и использовать имеющиеся возможности лишь в той незначительной мере, как это сделал Ризенфельд, привлекая только священные растения и мифы о миграциях, значит допустить серьезную ошибку. Во-вторых, чтобы доказать тезис о южном пути заселения Полинезии, надо выйти за границы Меланезии, широко привлечь полинезийский материал, найти меланезийские параллели в Полинезии и объяснить их. Автор этого не сделал. Между собранными им данными по мегалитам в Меланезии и его выводом о движении протополинезийцев по южному пути, через Меланезию, существует разрыв.

Материал, собранный Ризенфельдом, давал ему возможность выявить некоторые новые меланезийские параллели в Полинезии. Остановимся для примера на одной из этих возможностей, касающейся о-ва Пасхи. Впервые на меланезийские параллели на о-ве Пасхи обратил внимание Бальфур⁵. Позднее Метро подверг критике взгляды Бальфура и пришел к выводу, что «культурные параллели между островом Пасхи и Меланезией являются крайне неясными и неопределенными»⁶. Но в дополнение к тем параллелям, которые были приведены Бальфуром, Ризенфельд мог бы, используя известные ему данные (см. стр. 161 рецензируемой книги), привести следующее. На о-ве Улава (в группе Соломоновых островов) на скале, где построен своеобразный душ для мытья, вырезаны изображения птицы-фрегата и человеческой головы с чем-то вроде изображения шляпы на ней. Местные жители рассказывают: после смерти вождя на его родственников во наложен запрет мытья. Когда срок запрета прошел и они пошли мыться, они вырезали на скале изображения птицы-фрегата и человеческой головы. Обратимся теперь к о-ву Пасхи. Скалы близ Оронго покрыты изображениями птицы-фрегата и человека-птицы (фигура с человеческим телом, но птичьей головой, изображающая Маке-маке, божество птичьих яиц). Изображения эти наносились во время ежегодных соревнований по отысканию первого птичьего яйца в сезоне. Для этого надо было с о-ва Пасхи перелететь на небольшой соседний островок Моту-нуи, где гнездятся черные морские ласточки. Плыли не те, кто принимал участие в соревновании, а их слуги, хопу. Характерно, что слово «хопу» означает также и «мыться». Птица-фрегат, столь обычная в Меланезии, не гнездится на Моту-нуи и вообще у о-ва Пасхи почти не встречается. Тем не менее на скалах Оронго изображена именно птица-фрегат, а не черная морская ласточка. К этому следует добавить, что культ птиц нигде больше в Полинезии не встречается.

Интересно также отметить, что название божества «Маке-маке» имеет любопытную параллель в названии новогвинецких тайных обществ «Менгги», «Мангке», «Маки», «Меги» и т. д. Сопоставление этих двух явлений нельзя считать случайным, так как и то и другое имеет связь с обрядами посвящения.

Бальфур, указав меланезийские параллели в культуре о-ва Пасхи, пришел к выводу, что имела место миграция меланезийцев на этот остров. Такая точка зрения не может быть принята. Эти параллели говорят о том, что первая группа полинезийцев пришла на о-в Пасхи южным путем, через Меланезию, и принесла с собой сильные меланезийские влияния, в том числе и культ птицы-фрегата. Позднее через Микронезию пришла вторая группа полинезийских переселенцев; их смешение с первой группой и дало в результате население и культуру о-ва Пасхи.

Можно было бы указать и другие возможности выявления меланезийских параллелей в Полинезии на основе материала, собранного и систематизированного в книге Ризенфельда. Этот материал, несомненно, заслуживает самого внимательного изучения. При этом надо иметь в виду и такой ценный источник, почему-то не учтенный Ризенфельдом, как J. L a u r d. «Stone men of Malenkula» (1942), где имеется большой раздел о мегалитах на Н. Гебридах.

Н. Бутинов

³ «Anthropos», 1952, стр. 338.

⁴ См. предисловие С. А. Токарева к книге Те Ранги Хироа (Питер Бак) «Мореплаватели солнечного восхода», 1950, стр. 10—15.

⁵ «Folk-Lore», 1917, стр. 356—381.

⁶ A. Mé t r a u x. Ethnology of Easter Island, 1940 стр. 413.